

Глава 22. Праздник повеса и нищий учёный

Не будь Чэн Цзинь на бумаге его младшим братом, Чэн Янь без лишних слов натянул бы ему на голову мешок и хорошенько отделал.

Хотя, почему бы и нет? Если скрыть лицо, он никогда не узнает, кто это сделал.

Впрочем, трезво оценив состояние своего нынешнего тела, Чэн Янь решил пока отказаться от этой затеи.

Причина его неприязни к Чэн Цзиню, заставлявшая его язвить при каждом удобном случае, крылась в изначальном сюжете. Там тот проявил себя как самый гнусный из негодяев.

Сблизившись с Мэн Чэньхуэем и случайно узнав о его связи с Чу Ваном, юноша не преминул расспросить приятеля о подробностях. К тому времени Мэн Чэньхуэй, уязвлённый провалом на ежемесячном экзамене и обиженный на Чу Вана за отказ потакать его самолюбию, в разговоре с Чэн Цзинем высмеял юношу, всячески открещиваясь от их отношений.

Младший брат же, желая выслужиться перед Мэн Чэньхуэем, загорелся идеей досадить Чу Вану.

Однако действовать в открытую он побоялся. Вместо этого негодяй решил обманом втянуть в это дело своего старшего брата — того самого, чьё тело теперь занимал Чэн Янь. Он нашептал ему, будто Чу Ван из-за бедности тайно подрабатывает в академии собственным телом, что он, мол, продажная девка, доступная любому за деньги, и даже похвастался, что сам видел его с Мэн Чэньхуэем за этим грязным делом.

Впрочем, Чэн Цзинь не совсем лгал. Из-за неосторожности Мэн Чэньхуэя он и впрямь застал их в недвусмысленной ситуации, а слова о продажности были лишь туманным намёком самого Мэн Чэньхуэя, пытавшегося отвести от себя подозрения. Чэн Цзинь же принял всё за чистую монету и поспешил поделиться «открытием» с братом.

И хотя прежний Чэн Янь страдал от мужского бессилия и не питал интереса к мужчинам, он исправно посещал весёлые дома. Соблазн сломить гордую, недоступную красоту всегда будоражил его. Услышав слова Чэн Цзиня, он поддался искушению и перешёл к действиям. Даже заметив нежелание Чу Вана и поняв, что брат его обманул, он нашёл способ принудить юношу к повиновению.

А Чэн Цзинь, всё это время тайно наблюдавший за ним, в самый ответственный момент привёл Мэн Чэньхуэя, чтобы тот застал их с поличным.

Реакция Мэн Чэньхуэя оказалась ещё более странной. Он излил весь свой гнев на Чу Вана, проигнорировав его мольбы о помощи и публично отрёкшись от их связи, чем окончательно

разбил сердце юноши.

Только после этого младший брат, убедившись в своей безнаказанности, осмелился по-настоящему взяться за Чу Вана.

В итоге Чу Ван лишился стипендии, его овдовевшая мать заболела. Шантаж, душевные и физические страдания сломили его, постепенно погружая в пучину отчаяния.

Малодушие Мэн Чэньхуэя, подлость Чэн Цзиня и похотливая вспыльчивость прежнего Чэн Яня — поступки этих троих сплелись в трагедию, которая разрушила мечту Чу Вана о службе и учёности, обрекая его на вечные муки.

Даже зная, что всё это ещё не произошло, Чэн Янь при одной мысли об этом сюжете стискивал зубы от ярости. Он не мог не проучить их, чтобы хоть как-то утолить огонь, пылавший в его душе.

Маленький дурачок

На следующий день в академии возобновились занятия.

Чэн Яня разбудили ещё до рассвета. Выйдя из дома под покровом звёзд, он невольно вздохнул: как же тяжела ученическая доля.

Слуга, к слову, был немало удивлён. Обычно, чтобы выпроводить молодого господина на учёбу, приходилось приложить невероятные усилия. Сегодня же, хоть он и повалялся в постели чуть дольше, вёл себя на удивление покладисто.

Мысли о Чу Ване придавали юноше сил, и подъём в гору показался не таким уж утомительным, хоть и добрался он до ворот академии в совершенно измождённом состоянии.

Многие из тех, кто на выходные уезжал домой, должны были вернуться в академию на заре. Когда Чэн Янь подошёл к воротам, солнце уже взошло, и вокруг было довольнолюдно.

Его слуга, нёсший корзину с книгами и выглядевший куда бодрее хозяина, участливо предложил:

— Молодой господин, может, отдохнёте немного?

Чэн Янь отмахнулся:

— Не-ничего! Я в порядке!

Конечно, если бы слуга не поддерживал его, он бы рухнул на землю.

Рядом раздался презрительный смешок. Чэн Янь поднял голову и увидел Чэн Цзиня в компании другого молодого человека.

Юноша был худощав, но держался прямо. Хотя на нём была стандартная синяя форма академии, по заколке в волосах и аксессуарам было видно его знатное происхождение. Его сопровождали четверо слуг и ещё двое или трое соучеников — внушительная свита.

Встретившись взглядом с Чэн Янем, юноша скривился, надменно вздёрнул подбородок и бросил:

— Подумать только, теперь в академию пускают всякий сброд.

— Мэн Чэньхуэй, пойдём, не стоит с ним связываться, — быстро и смущённо проговорил Чэн Цзинь.

Чэн Янь всё ещё пытался отдышаться и не удостоил их даже взглядом.

Тот юноша, разумеется, был Мэн Чэньхуэй.

Не получив ответа на свою колкость, он раздосадованно взмахнул рукавом и во главе своей процессии направился вглубь академии.

Когда дыхание немного выровнялось, Чэн Янь выпрямился и сказал слуге:

— Пойдём.

Слуга снова отметил про себя странность в поведении молодого господина. Обычно из-за неприязни Мэн Чэньхуэя они то и дело вступали в перепалки, которые нередко перерастали в нечто большее. Почему же сегодня господин проявил такую сдержанность?

Ах... должно быть, он просто слишком устал, чтобы препираться.

Когда Чэн Янь, неторопливо ковыляя, добрался до классной комнаты, ученики уже почти все были в сборе.

Он окинул взглядом помещение. Чу Ван, должно быть, пришёл очень рано и теперь, сидя на своём месте, что-то быстро писал, склонив голову. Мэн Чэньхуэй занимал место в центре, в

нескольких рядах от Чу Вана, окружённый соучениками. Судя по самодовольному выражению его лица, они рассыпались в похвалах. Чэн Цзинь тоже был среди подхалимов и, вероятно, даже не догадывался, насколько раболепно выглядит со стороны.

Отношения Чу Вана и Мэн Чэньхуэя не афишировались. Юноша вёл себя очень осторожно и в такое время ни за что не подошёл бы к компании Мэн Чэньхуэя. А тот, в свою очередь, не любил навязчивости и сам никогда не искал с ним встреч.

Из-за этого долгое время никто из соучеников и не подозревал об их необычной связи.

Чэн Янь вошёл в класс и направился прямо к парте рядом с Чу Ваном. Обратившись к сидевшему там ученику, он сказал:

— Любезный, у меня к тебе предложение.

За месяц учёбы в первом классе прежний владелец тела так и не влился в коллектив и знал от силы пару человек. Неудивительно, что имени этого юноши он не помнил.

Тот, однако, явно его узнал. Нахмурившись, он спросил:

— Чэн Чанцин, что тебе нужно?

— Давай поменяемся местами, — с улыбкой предложил Чэн Янь.

Юноша нахмурился ещё сильнее:

— Но...

— Я дам тебе триста лянов за это место, — без обиняков заявил Чэн Янь.

Юноша замер.

«!!!»

Чу Ван, до этого склонившийся над письмом, застыл и с таким же недоверием уставился на Чэн Яня.

«???»

Чэн Янь говорил негромко, и слышали его только они двое. Но начавшаяся суматоха с

пересаживанием привлекла внимание всего класса.

Кто-то поинтересовался у того ученика, почему он меняется местами. Тот, не решаясь признаться, что продался за деньги, замялся, и Чэн Янь пришёл ему на помощь:

— Чу Ван будет помогать мне с учёбой, так что сидеть рядом с ним удобнее. Этот благородный господин, услышав об этом, проявил участие и уступил мне место.

— Я не буду, — холодно отрезал Чу Ван.

Чэн Янь моргнул и быстро поправился:

— Хорошо, это я напросился к Чу Вану, чтобы он подтянул меня по учёбе. Он не согласился, и я решил сесть рядом, чтобы покорить его своей настойчивостью.

Чу Ван промолчал.

Поменявшись местами, Чэн Янь уселся и даже с важным видом извлёк из корзины книгу, положив её на стол.

Парты стояли на расстоянии двух кулаков друг от друга. Чу Ван, бросив взгляд на стол соседа, увидел, что тот достал, и холодно усмехнулся:

— Первым уроком сегодня «Книга обрядов», а не «Чжоуские перемены».

Чэн Янь опустил глаза на книгу и, как ни в чём не бывало, тут же заменил её другой.

— Что ты здесь делаешь? — тихо спросил Чу Ван.

— Ты забыл о нашем вчерашнем уговоре? — невинно глядя на него, ответил Чэн Янь.

Чу Ван на мгновение растерялся.

А Чэн Янь не унимался:

— Я же говорил, что у меня много денег. Не обманул ведь.

Вернувшись вчера вечером домой, Чу Ван уже пожалел о своём решении и не осмеливался принять предложение Чэн Яня.

— Я буду помогать тебе с учёбой, — прошептал он, — но... но домашние задания ты должен делать сам...

Чэн Янь поставил книгу на столе вертикально, повернув её к Чу Вану.

— Что это? — спросил он.

Юноша не сразу понял и машинально ответил:

— «Лунь Юй».

— Вот именно, — Чэн Янь опустил книгу и развёл руками. — Видишь, я даже иероглифы «Лунь Юй» и «Книга обрядов» различить не могу. Если ты будешь меня учить, сколько времени уйдёт, прежде чем я хоть чего-то достигну? Проще сразу делать за меня задания, так будет гораздо эффективнее.

— Твой уровень каллиграфии, — холодно заметил юноша, — боюсь, я не смогу его воссоздать.

— Вот потому-то я и сел рядом! — воскликнул Чэн Янь. — Будешь почаще смотреть, как я пишу, и сможешь лучше подделывать мой почерк.

Чу Ван поджал губы и после недолгого колебания сказал:

— Тогда напиши что-нибудь, я посмотрю.

Чэн Янь с готовностью согласился. Он схватил кисть, обмакнул её в тушь и под полным ужасом соседа с размаху вывел на бумаге корявый, перекошенный иероглиф «Чу».

— Надо же, — пробормотал Чу Ван, — умудриться написать так уродливо — это тоже своего рода талант.

Видя, что Чэн Янь собирается продолжить и вывести иероглиф «Ван», он поспешно остановил его:

— Хватит! Не нужно больше, потренируйся сегодня писать хотя бы собственное имя!

Едва войдя в класс, учитель Даоцин сразу заметил, что Чэн Янь пересел.

Недолюбливая этого ученика, он тут же спросил:

— Чэн Янь, почему ты самовольно сменил место?

Чэн Янь встал и зычно ответил:

— Отвечаю, учитель! Соученик Чу Ван вызвался помочь мне с учёбой и попросил сесть рядом!

Учитель нахмурился и, взглянув на Чу Вана, ровным голосом спросил:

— Это правда, что сказал Чэн Янь?

Чу Ван не ожидал, что Чэн Янь объявит об этом во всеуслышание. Ему оставалось лишь напряжённо кивнуть:

— Да, это правда.

Он был любимым учеником учителя Даоцина, поэтому тот не стал развивать тему, знаком велел Чэн Яню сесть и начал утреннее занятие.

Когда все принялись читать вслух, Чу Ван, метнув на соседа сердитый взгляд, прошипел:

— В следующий раз не смей говорить что попало!

— А то что? — невинно посмотрел на него Чэн Янь. — В следующий раз скажу учителю, что ты делаешь за меня домашние задания.

Чу Ван едва не задохнулся от возмущения. Не желая больше с ним разговаривать, он уткнулся в книгу.

После чтения учитель Даоцин приступил к объяснениям. Чу Ван, дороживший возможностью учиться в академии Битань, внимательно слушал, делая пометки на полях своей книги бисерным каллиграфическим почерком. Каждая черта была выведена так аккуратно, словно иероглифы были напечатаны.

Юноша всегда учился усерднее и прилежнее, чем ученики из богатых семей. Он часто предлагал оригинальные трактовки, а его сочинения отличались строгостью слога и яркостью мысли. Его трудолюбие и талант вызывали у других лишь восхищение.

Однако сегодня, на самом обычном уроке, спустя всего полчаса, Чу Ван поймал себя на том, что то и дело отвлекается, украдкой поглядывая на соседа.

Чэн Янь, разумеется, не учился, что несколько не удивило его.

Тот раскрыл толстую книгу, но под ней, казалось, лежал ещё какой-то буклет. С виду он вроде бы и смотрел в учебник, но на самом деле всё его внимание было приковано к той маленькой книжице.

Раньше Чу Ван не обращал на Чэн Яня никакого внимания, но после вчерашнего разговора в нём проснулось любопытство.

Его жизнь была подчинена строгим правилам, а самой большой вольностью стала тайная связь с Мэн Чэньхуэем.

Но Мэн Чэньхуэй был таким же человеком правил, в отличие от Чэн Яня, который попал в академию за деньги, смел пререкаться с учителем, открыто признавался в своей неграмотности, одевался небрежно и вёл себя вызывающе. Таких людей Чу Ван никогда прежде не встречал.

Он и сам не понимал, почему так пристально следит за поведением соседа. Настолько, что заметил: книжица под книгой уже полдня лежит на одной и той же странице.

Что же он там читает?

Впервые за долгое время его одолело любопытство, не связанное с учёбой.

После долгих колебаний Чу Ван не выдержал и, наклонившись к соседу, тихо спросил:

— Что ты читаешь?

Чэн Янь едва не подпрыгнул от неожиданности. Он и подумать не мог, что лучший ученик на уроке вдруг отвлечётся, чтобы поинтересоваться, какой ерундой занимается двоечник.

Он повернулся к Чу Вану и, понизив голос до шёпота, спросил:

— Хочешь взглянуть?

Хоть говорил он и тихо, скрыть ликование, плескавшееся в его глазах, было невозможно.

У Чу Вана мгновенно возникло дурное предчувствие. Он уже хотел было отказаться, но Чэн Янь вытащил книжицу из-под учебника и, развернув её на нужной странице, сунул прямо в руки юноше.

На странице размером чуть больше ладони были изображены две сплетённые обнажённые фигуры.

Глаза Чу Вана расширились от потрясения.

«!!!»

<http://bllate.org/book/15870/1441281>